

«Антиалкогольная программа, принятая в мае 1985 года, до сих пор остается предметом недоумения и догадок. Почему решили начать с этой меры, рискуя осложнить возможность проведения реформ? Как можно было допустить, чтобы доброе само по себе начинание обернулось для общества немалым ущербом?»

Не секрет, пьянство на Руси было бичом со средних веков. Время от времени объявляли ему бой — как могли, ограничивали продажу спиртного, ужесточали наказания, клеймили пьяниц с церковных амвонов. В предреволюционное время вводился «сухой закон», соблюдался он и в первые годы Советской власти. В 1958 году энергично взялся за искоренение этого порока Хрущев; были повышены цены на алкоголь, ограничена его продажа. Но постепенно все спустили на тормозах. При Брежневе вопрос несколько раз обсуждался на Секретариате, создали комиссию во главе с А.Я. Пельше, но вскоре его не стало, о комиссии забыли.

Алкоголизм превратился в острейшую социальную проблему, которую долгое время стыдливо замалчивали. Пьяниц объявляли «моральными уродами», в пропаганде утверждалось, что в социалистическом обществе нет объективных причин, порождающих это явление.

А между тем ситуация создалась катастрофическая. В стране насчитывалось 5 миллионов только зарегистрированных алкоголиков. По данным Института социологии АН СССР, ежегодный ущерб народному хозяйству от пьянства оценивался от 80 до 100 миллиардов рублей. Выпивали в чистом алкоголе 10,6 литра на душу населения, включая грудных младенцев! (В 1914 году, когда в России ввели «сухой закон», — 1,8 литра, после Великой Отечественной войны — 2 литра.) Сокращалась продолжительность жизни, подрывалось здоровье живущих и будущих поколений.

В чем были причины повального пьянства? Их много: нелегкие условия жизни миллионов людей, неустроенность быта, низкий культурный уровень. А многие спивались из-за невозможности проявить себя, говорить что думаешь. Гнетущая общественная атмосфера толкала слабые натуры «залить» чувство неполноценности, страх перед окружающим суровым миром. Дурную роль играл пример начальства, отдававшего щедрую дань «зеленому змию».

В обществе сложилась обстановка безразличия и терпимости к пьянству. Аресты пьяниц на 15 суток, содержание в вытрезвильниках, привлечение к подметанию улиц стали расхожими сюжетами анекдотов. Ходила история, как министром угольной промышленности стал Засядько. Он оказался на застолье у Сталина, пили из фужеров, Сталин — вино, Засядько — водку. Выпили по несколько фужеров. А при очередном тосте Засядько заявил:

— Нет, товарищ Сталин, я все, свою норму знаю.

И вот, когда Сталину дали список кандидатов на должность министра, он

выбрал Засядько. В ответ на замечание, что работник хороший, но вроде бы пьет, сказал: «Пьет, но норму знает».

Пожалуй, самое печальное состояло в том, что в условиях тотального дефицита потребительских товаров государство не видело другого средства поддерживать денежное обращение, как спаивать народ. Звучит дико, но ведь чистая правда. Брешь между колоссальной денежной массой и убогим предложением заполнялась спиртным причем увеличивали выпуск вредных для здоровья некачественных напитков, получивших в народе название «бормотуха». Писатель В. Белов заметил: «Дензнаки, как выражаются финансисты, оборачивались со скоростью суточного вращения Земли: заводская касса — карманы трудящихся — винный ларек — инкассаторская сумка и вновь заводская касса. В общем, открыли новую экономическую «закономерность».

Эта проблема встала перед нами в самом начале. На стол Политбюро легли убийственные материалы, свидетельствующие о народной беде. Десятки тысяч людей, предприятия и целые системы, требующие жесткой дисциплины и ответственности, оказались заложниками пьянчуг. Помню, Громыко, придя в Верховный Совет и ознакомившись с письмами и другой информацией по этому вопросу, делился со мной своим возмущением: «Представляешь, у нас пьют повсюду — на производстве и на отдыхе, в политических и творческих организациях, лабораториях, школах и вузах, детских садах!» Попутно Андрей Андреевич вспомнил об одном разговоре по поводу пьянства с Брежневым. Как-то они возвращались из Завидова, ехали вдвоем в автомобиле — за рулем генсек. Громыко, ссылаясь на информацию, попавшую в его распоряжение, посетовал на то, что в Союзе пьянство достигло катастрофических масштабов и это сказывается на всей жизни общества. Брежнев, выслушав его суждения, долго молчал, а потом сказал: «Знаешь, Андрей, русский человек без этого не может обойтись...» Громыко, по его словам, свернул разговор на эту тему».

М.С. Горбачев. «Жизнь и реформы». Книга I, М., 1995, С. 338-340